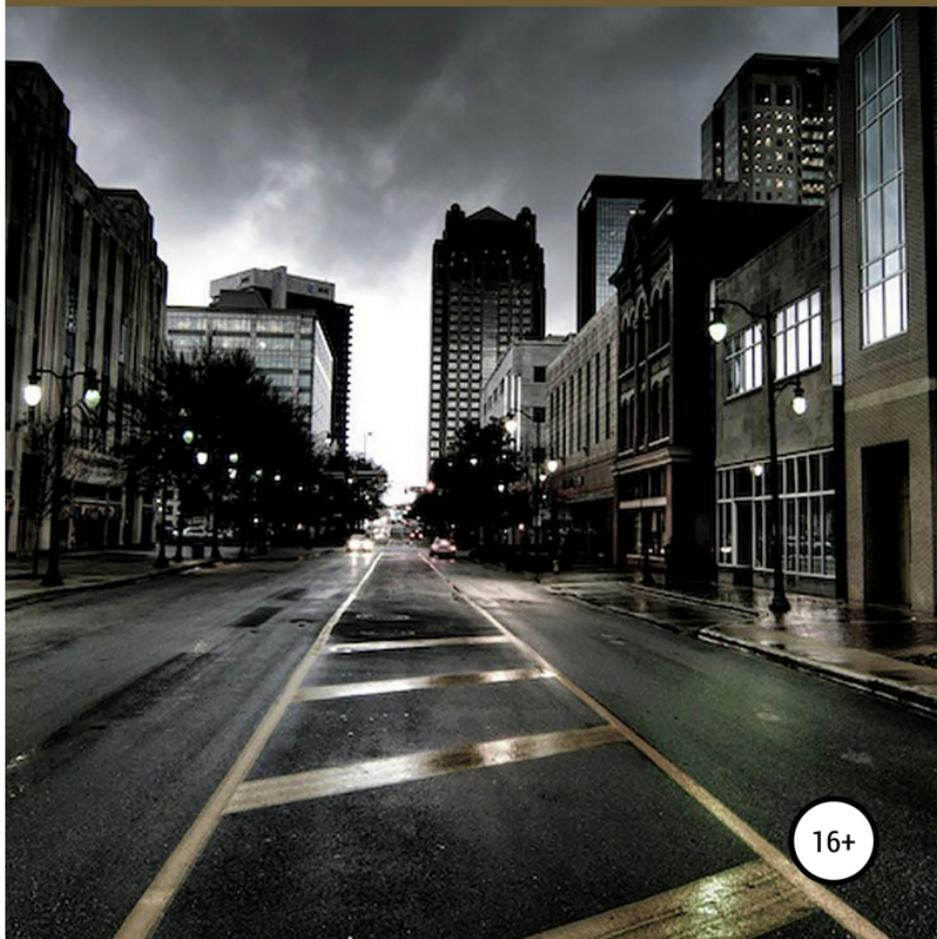

Владимир Шапко
СМОТРИТЕЛЬ ЖИВОТНЫХ
Повесть

16+

Владимир Шапко

Смотритель животных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57142525

SelfPub; 2020

Аннотация

В силу физической и психической неполноценности, Альберт Ратов скрытен, опасен и крайне жесток с животными. Однако за все свои выходки – он должен ответить.

Содержание

1	4
2	7
3	15
4	17
5	21
6	24
7	26
8	31
9	35

1

Когда увидел за деревьями оградительные щиты передвижного зверинца, – разом вспотел, а сердце куда-то пало. Щиты были те же: облезлые, высокие, стоящие – как карты в ряд. Как карты с рисованными животными... Всё так же орал в парк зазывала из динамика над входом, чередуя вопли свои с музыкой оттуда же. Толпился всё так же у кассы и входа воскресный народ...

Знакомых рож не встретил. Ни у кассы, ни на входе. И там, и там работали совсем другие люди. Поменяли всех, конечно, давно поменяли, два года прошло. Более или менее успокоившись, Ратов толокся с людьми в зёв зверинца, отирался платком.

В высокой клетке на колёсах обезьяны будто учились медленно ходить по полу всеми четырьмя лапами. Все были с лианными крючкатыми хвостами и кожаными потёртыми задницами. Здесь всегда было много наблюдающих. Точно в зеркале – сразу узнавали себя и товарищей. Тыкали пальцами: смотри! смотри! вон – вылитый ты! Потом долго обрадованно смеялись. До тех пор, пока какой-нибудь лохматый самец не садился на пол домиком и не начинал с помощью своих ладошек и красной палочки, вылезшей из него, добывать как бы первобытный огонь... Пунцовые, возмущён-

ные, первыми утаскивали детей матери. Затем растекались и остальные. Оставались только самые стойкие. Двое, трое мужчин. И какая-нибудь поддатенькая бабёнка с ними. Все слегка возбужденные, хихикали, подбадривали лохмача: давай, давай, обезя, работай! Загнувшийся, старающийся самец помимо палочки высовывал ещё и язык. Как смачную красную краску. Точно от позывов в туалет, поддатенькая в нетерпении приплясывала, сучила ножками, оборачивалась, смеялась. Тем самым показывала всем полную свою осведомленность в таких делах.

Строго по инструкции смотритель давал по клетке водой из брандспойта. Все обезьяны разом повисали на железной сетке как моряки после штормовой волны, отплёвываясь водой и, по-видимому, матерясь. Сам нарушитель режима – тоже висящий – ничего не понимал: за что?!

Через какое-то время возле высокой этой клетки вновь накапливались зеваки. Другие зеваки. Вновь тыкали пальцами... И всё повторялось... Люди поспешно уходили от клетки в разные стороны. Безобразие! Почему показывают этих безобразников?! Ведь срам один каждый раз, честное слово!..

Возле другой клетки, низкой, где почему-то нервничал полуоблезлый старый дикобраз – приходили в себя. Более или менее успокаивались. Дикобраз бегал по клетке, шумно шуршал иголками. Как какая-то полностью расчихвоенная китайская акупунктура... А вообще – что ещё тут смотреть?

Уже совсем помешанные, раскачивались в клетках медведи. Эти Ратова не интересовали – безмозглые клоуны, за кусок сахара на гармошках будут играть, лапами задирать-дрыгать. Ратов продвигался дальше и дальше, обходя клетки... Наконец увидел Королеву...

Королева несколько не изменилась! Была всё та же! Быстро ходила по большой клетке, как трехметровый полосатый пойманный огонь! Не сбавляя хода, рыкнула на Ратова. Узнала, узнала, стерва! Ратов готов был прыгать. Уже неуправляемое, дыхание Ратова страшно участилось, сердце начало толкаться, рваться в глотке. Но сдерживал, сдерживал себя, пьянел, покачивался...

– Ты опять, сволочь, здесь? – тихо сказали ему в ухо. Крепко взяли за шиворот и локти: – Ну-ка пошли!

– А чего! Чего! – Ведомый Никифоровым и Парасюком, Ратов пытался вырваться. – Законно! Козлы! Билет купил!

Выпнутый из прохода зверинца наружу, отпускал напряжение, страх, отряхивал пиджак, брюки. Быстро взглядывал на высокие, тесно составленные щиты, точно быстро запоминал их растасовку, последовательность, их местоположение в парке...

2

Два года назад, когда Рашид Зиятович Акрамов впервые раскрыл паспорт Альберта Константиновича Ратова... то был несколько удивлён, если не сказать больше: Альберт Константинович, будучи коренным москвичом (вот же: родился в Москве, живёт сейчас, прописан), приехал сюда, в город Клин, устраиваться в передвижной зверинец на работу. Правда, приехал по объявлению, но всё равно – из Москвы – сюда... Работы, что ли, нет для вас там? Альберт Константинович? Странно даже, знаете ли...

– Не в этом дело! – прервал его Ратов. Отвернул лицо к зарешёченному оконцу вагончика. Коротко, скорбно рубил: – Тётка тут. Больная. Одна осталась. Надо помочь...

Перед Акрамовым сидел мужичонка под сорок, с серым расплывным носом, с куполообразным, широким ртом змия. Алкаш? Отовсюду выгнали с работы?.. Однако – горд. Очень горд. Одно имя-отчество чего стоит – Альберт Константинович... И с таким именем – метлой махать? Мыть клетки?.. Странно...

В окошко вагончика застучала клювиком синичка. Точно к себе домой. Вот чертовка! Как по часам! Акрамов встал, сквозь решётку открыл окошко. Как будто работающий веер – синичка сразу стала облетать ошарашенного Ратова. Точно намеревалась долбануть его в темя. Акрамов кинул ей пшена

на пол. Она снырнула сверху, стала скакать по полу и склёвывать...

– Понимаете... Как бы это сказать... Работа смотрителя животных не то что тяжёлая, но... но очень грязная. Ведь приходится убирать клетки, чистить, извините, дерьмо за животными... И потом, работа у нас сезонная. Пока приедем, пока как-то обоснуемся – а уже и уезжать пора. Осень. Холода... Отправляемся назад. Или в Среднюю Азию, или в Крым...

– Знаю, – кивнул Ратов.

– Вы что? – работали у нас? – вскинулся Акрамов. – В нашей системе?

– Нет! – излишне поспешно вырвалось у Ратова. – Не работал!

– Вот видите... А говорите...

Смотрели на клюющую птичку. Синица закончила на полу, вспорхнула, снова начала делать Ратову частенький веерок, упорно желая долбануть-таки его... Но, попугав, опять передумала и унырнула из вагончика наружу. Ратов приглаживал волосы, про себя матерясь.

– Каждый день прилетает, – с гордостью сказал Акрамов. – Как по часам...

– Птица... – подтвердил Ратов. – Прикормлена.

Акрамов смотрел на него, как смотрят на человека, который не верит в чудеса... Потом, постукивая карандашиком стол, Рашид Зиятович Акрамов думал. Южное чёрное лицо

его с красными губами напоминало жаровню.

– Не тяжело будет?.. – Акрамов кивнул на больную, в ортопедическом ботинке ногу Ратова, которая походила на круто взнятой дзот.

– Нет. Всего лишь третья группа. Такие работы допустимы.

– Так, так, – всё стучал карандашик на столе.

Створку окошка покачивало. Акрамов смотрел туда. Словно там всё ещё оставалась энергия улетевшей птички...

Только свернул на улицу Крупскую, как сразу увидел Ковалову. Соседку Люськи. Старуха Ковалова шла навстречу с резкой своей перевалкой. Активно уволакивала за собой и хозяйственную сумку на колёсиках, и свои больные ноги. Ратов думал, что не узнает, не вспомнит, пройдёт. Отвернул лицо в сторону.

– Стой, Альбертка! – вскричала Ковалова. Ратов остановился. – Ты когда рубль двадцать отдашь? – Как будто не год прошёл, как занимал, а неделя. Вся в морщинах, зараза. Как хоккейная морда.

– Ты чего, Альбертка, оглох?.. Ну-ка давай рассчитывайся! С места не сойдёшь!

Пришлось доставать, отсчитывать. Держи, Маресьев! Ковалова задёргала сумку и свои больные ноги дальше. Захохотала на всю улицу: «То-то Люська сейчас обрадуется!..»

Вот зараза. Плохой знак.

В эти минуты ничего не подозревающая Люська Козляткина раскатывала тесто на столе в кухне своего домика по улице Крупской. В широком окне вдруг увидела Альбертку. Альбертку Ратова. Сворачивающего прямо к её дому. Сворачивающего с чемоданом!

В следующий миг уже была во дворе, уже бежала к калитке. В домашнем платышке, косоноженькая.

– Ну-ка давай назад! Заворачивай немедленно! Москвич сраный! – Непримиристо взмахивала ручкой: – Давай, давай, нечего тут! – Схватилась даже за штакетину калитки: граница на замке! Головёнка Люськи Козляткиной с косицей округлостью своей походила на крутящееся на земле артиллеристское ядро с дымком. Стрельнутое из пушки. Однако широкий закруглённый лоб её постоянно собирался в морщины. Постоянно думал. Как наигрывающая сама себе гармошка: – Это что же будет? Этот пан Дрочило опять будет меня сигаретами жечь?.. Н-не выйдет! Н-не дамся!

– Да тихо, дура!.. – Ратов толкнул калитку, откинув Люську. С чемоданом впереди себя, как с тараном – ввалил. – Вон. В сарае буду жить.

– А кур куда денешь, идиот? Кур?! – Из сарая слышались самодовольные всполохи-квохты кур, благополучно выкидывающих свои яйца.

– Найдёшь куда. Пятнадцать хрустов буду платить. – И, видя, как углублённо заиграло всё на лбу Козляткиной, Ра-

тов подвёл черту: – В общем, убери там. Раскладушку поставь... А я в баню пока схожу... С дороги...

– Иди, иди, потрясись там с дороги. В душе перед дыркой. В Москве-то негде. А здесь-то благодать!

– Тихо, сволочь!.. Н-на деньги и заткнись!

Ратов хлопнул калиткой. А Люська... а Люська Козляткина пнула оставшийся чемодан.

В то памятное историческое для сотрудников зверинца утро, собрав всех у конторы, Рашид Зиятович Акрамов сказал не без торжественности:

– Вот, товарищи, это наш новый сотрудник – Альберт Константинович Ратов. Прошу, как говорится, любить и жаловать!

Ратов стоял перед всеми в великом ему рабочем халате, халате до пят, с поджатыми ручками – как суслик возле утренней норки.

Кругом было много солнца. Из парка свисал на вагончик уже потёршийся плюш двух дубов. И десять мужчин и три женщины смотрели из тени на Ратова молча, без всякого воодушевления. Один, высокий, с маленьким ротиком, вдруг сказал: «Не долго мучился котёнок в высоковольтных проводах». Сказал, на взгляд Ратова – как в лужу пёр.... Двое-трое прыснули. Остальные точно не услышали этих дурацких слов.

Ратов начал решительно засучивать рукава халата. «Раз-

жарило барыню в нетоплёной бане!» – тут же выдал с маленьким ротиком. На этот раз засмеялись все. Тоже смеясь, Акрамов говорил Ратову:

– Не обижайтесь, Альберт Константинович. И не обращайтесь внимания. Это наш Пожалустин так всегда шутит...

У Пожалустина ротик-дырочка был как у скворечника. Как у гнезда дуплянки. «Вся порода винохода, только бабушка рысак», – выдал он, глядя Ратову прямо в глаза. Уже под хохот сотрудников. Про кого он так? Про себя, что ли? Или про меня?.. Однако шуточки у козла, думалось Ратову.

Почти всё то первое свое рабочее утро (во всяком случае, до десяти, пока не пошли посетители) Ратов ходил за высокой плечистой женщиной. В облегающих штанишках в колёно, смахивающей на крупного жокея. Фамилия у женщины была забирающая – Стоя. Но рост! Это ж какого коня надо, чтобы вставить ей сзади!..

Мало понимая, о чём говорит ему женщина, показывая на клетки и животных, Ратов стремился отгородиться от её лица, оказаться позади неё. Глаза Ратова липли к высоченному запакованному заду женщины. К тугим, затянутым материалом ногам её... Торбаса-а!.. Ратов чувствовал, что нужно срочно отвалить куда-нибудь и... и заняться делом... но шёл за «торбасами» как привязанный...

– Вы понимаете, о чём я говорю? – внимательно посмотрели на него из-под густой каштановой кубанки волос карие

глаза.

– Понимаю, Татьяна Леонидовна. – Ратов старался сосредоточиться: – Попугай... Это... как его?.. Подсолнечник... зерно... просо... Два раза в день...

Шли дальше.

– А вот это гордость нашего зверинца, – остановилась у большой клетки Татьяна Леонидовна Стоя. – Бенгальская тигрица по кличке Королева...

Ратов застыл. За толстыми прутьями клетки ходило мощное животное. Точно перекатывало по себе громадный живой камуфляж, разрисованный чёрно-коричневыми полосами. Огромная кошачья морда, рыкая, как будто давала лучами из клетки... Лицо Ратова пошло окалиной. Как у паяльника. «Сука, – забывшись, шептал скуластенький паяльник, – большая бенгальская сука...»

Женщина подумала, что ослышалась:

– Что, что вы сказали?

– Ничего!.. Я сказал, что – кошечка... Бенгальская... Красивая...

Странный мужичонка, подумала тогда у клетки Королевы Татьяна Леонидовна Стоя, заместитель Акрамова по ветеринарной части, проще говоря – ветеринар зверинца. Очень странный...

Ночью Ратов попытался проникнуть в дом. К Люське. Осторожно потянул за ручку сенную дверь... С силой по-

тряс. Дверь даже не шелохнулась. Помимо крючка она явно была закрыта ещё и на балку... Ратов вытаращился на висящие вверху рои звёзд... Вот сука, так сука-а... Замуровалась... Как припадочный задёргал ручку... Бесплезно!.. Пул в доски что есть силы. Пошёл от двери.

В своей постельке под одеялком Люська прыскала в сжатые кулачки: съел! съел! оглоед! съел!..

Ратов пробрался в курятник, к раскладушке. Включил фонарик. Который дала в пользование стерва Люська... За решётчатой деревянной загородкой спящие куры были безжизненны. Как укрепленные на насестах чучела... Вырубил их.

Однако на самом рассвете вскинулся на раскладушке. От вопля петуха... Да чтоб тебя, засранца! Вот удружила стерва Люська, так удружила!.. Глухо матерясь, нашел курице, спички, побрёл в уборную.

Тёмный одноместный ящик долго дымился на огороде. Вроде томящейся вошебойки... Стерва... Люська...

3

Смотритель животных Пожалустин был из местных. Клинский. Сыпал пословицами и прибаутками своими постоянно, но совершенно, казалось, не к месту. Точно, чтобы просто их не забыть. К примеру, Рашид Зиятович как-то попенял ему, что тот плохо помыл у медведей в клетке. А? Сергей Яковлевич? На что Пожалустин с не меньшим сокрушением ответил: «И не говори, кума, у самой муж пьяница». Из чернети лица глаза узбека смотрели на неожиданно объявившуюся «куму» улыбаясь, с недоумением: шутит? Но Пожалустин, абсолютно серьёзный, быстро притащив шланг, уже совал его в клетку: «Куда люди, туда и Марья крива»...

Он поступил на работу сразу, как только зверинец приехал в Клин. Весной. В первый раз, послав его на местный рынок, Татьяна Леонидовна подробнее объяснила ему, что из продуктов и сколько он должен закупить там. Водила карандашом по списку. Пожалустин внимательно смотрел и слушал. С крохотным заостренным носиком, точно выгоревшим на пожаре. «Вы поняли меня, Сергей Яковлевич?» – «Понял. Зазлыдарить, в смысле запеть, Татьяна Леонидовна. А так же гламырнуть, – в смысле выпить!» – ответил полнейшей абракадаброй Пожалустин. Однако ни в тот первый раз, ни потом ни разу ничего не забыл, ни в чём не ошибся.

Как-то Рашид Зиятович приказал подкрасить, а кое-где

полностью обновить таблички на клетках. Уж больно облезли как-то все. Поручил это Татьяне Леонидовне. А та, подумав, доверила всё Пожалустину. Довольно ловко тот в бытовке подкрасил облезшие таблички, через трафареты начертал новые буквы. Вместе с Татьяной ходили, развешивали на места. Таблички блестели, свежие, ясные, хорошо читаемые. Акрамов двигался следом, любовался. Возле клетки с двумя медведями – остановился. Не узнавая ни медведей, ни таблички на столбике перед клеткой. Чёткими белыми буквами на зелёном фоне было начертано: *Наши знаменитые Дристаный и Лыманый...* Догнав Пожалустина и Татьяну, отворачивая в сторону рвущийся смех, спросил: «Что это, Сергей Яковлевич?» Пожалустин взял табличку в руки. «Так. Отряд не заметил потери бойца... Сейчас». Со всеми табличками побежал к медведям. У Татьяны и Рашида Зиятовича от давящего смеха полностью застлало глаза. Они ослепли. Они раскачивались. Они уходили друг от друга...

Вот этого хохмача Пожалустина приставили шефом к Ратову. Приставили наставлять...

4

Переодетый в рабочий халат и штаны, уперев руки в бока, поворачивал голову в разные стороны утренний Пожалустин. С носиком – как сокол на соколиной охоте. Кричал голодному зверинцу: «Тихо, воды Шегерге!» И улетал кормить.

Дикобраз при виде Пожалустина начинал радостно трещать всеми иголками. Присев, Пожалустин совал ему в кормушку завтрак. Холодную вчерашнюю рисовую кашу. Дикобраз сразу начинал торопиться. Длинные иголки его дрожали. Точно вылезший наружу острый его озноб... «Спокойней, спокойней. Не торопись. Три волосинки в шесть рядов».

На главной улице зверинца, на глазах превращая её в степной Техас, Ратов городил «торнады» пыли. Злой метлой зашугивал их к небу. Хорошо подошла бы поговорка «заставь дурака богу молиться», но Пожалустин говорил другую: «У нас то понос, то золотуха!» Бежал, вырывал метлу. В который раз показывал – как надо. Оставшись не у дел, Ратов оглядывался по сторонам, шёл за пригибающейся старательной спиной и думал: ё... бы чем! Чтоб откинулся, гад!..

Два орлана с восковитыми носами независимо разгуливали по клетке. Как, по меньшей мере, два лапастых горбоносых хейнкеля по своему аэродрому. Ратов швырял им полку-

рицы. Полтушки. Орланы сразу сбрасывали форс, пытались рвать, растерзывать курицу. Перекидывали замороженную тушку по клетке, как недающуюся подсакивающую кормушку. У-у, горбоносые сволочи! Из клетки Ратов выдёргивал корыто с протухшей водой. Выкидывал воду в сторону. Из шланга шарахал новой воды. Корыто забивал в клетку. Однако Стоя всё видела, тут же подходила. Просила помыть корыто. Прежде чем заливать его свежей водой. Понимаете? Пробегающий Пожалустин успевал пустить: «Ну, про это даже петухи не кукарекали!» Ратов зло выдёргивал железяку обратно. Длинная Татьяна вставала в позу штукатурных козел. Сама начинала мыть. «Вот же, смотрите: слизь, грязь, перья!» Однако Ратов смотрел не туда – Ратов вытаращился на широко расставленные ноги в тугих штанишках. Как из проткнутого большого мяча онанистский сипел катарсис: торбаса-а-а... «Видите сколько грязи?!» Из-под мотающейся кубанки волос взглядывали на Ратова все те же спокойные коричневые глаза. Видите? Сглотнув, Ратов подтвердил, что видит. Женщина распрямилась, отдала корыто. «И потом, Альберт Константинович, что же вы опять им дали размороженное мясо? Сколько вам говорить? Размораживать до появления сукровицы на подносе! И только тогда давать! А?..» Орланы всё мучились с тушкой. Швыряли её по клетке. Ратов позволил себе ослабиться: «Ничего, Татьяна Леонидовна. Пусть тренируются. Как хоккеисты с шайбой. Хе-хе». Зоолог-ветеринар отходила от клетки, нахмурившись. Зачем

Рашид взял его? Ведь совершенно случайный человек!..

Таким же вопросом задался и Фёдор Парасюк, ещё один штатный смотритель, когда увидел однажды, как Ратов корячится с длинным белым брусом. Пытаясь через страховочную оградку засунуть его то ли под клетку, то ли в саму клетку Королевы. Причём засунуть, по меньшей мере, как невероятной длины свой член... Рябое лицо Парасюка начинало родниться с сырым молотым мясом. «Кто ему сказал? Что он делает возле клетки Королевы? Зачем этот придурок вообще здесь?» Пожалустин тут же ответил: «Голубое не такое, розово не мытое!» Однако Парасюк уже быстро шёл к толпе возле клетки, к Ратову. Какая-то женщина успела шепнуть ему: «Смотритель-то ваш, кажется, пьян!»

Ратов просунул всё же брус в клетку. От удара мощной лапы Королевы брус взорвался в клетке как петарда. С огрызком Ратов отлетел от загородки. К ахнувшей толпе. «Ты чего делаешь, придурок?» – схватил его Парасюк. Ратов был абсолютно трезв. Но весь дрожал. Глаза его выпрыгивали, были маньячными. «Кошечка! Полосатая! Рыкает на детей! Надо поучить!» От услышанного Парасюк задохнулся. Большое рябое лицо его опять точно покрылось молотым мясом. «Да ты... да ты... марш отсюда, скотина!» Ратов закондыбал куда-то, матерясь. «Ишь, скот! *Надо поучить*, – не успокаивался Парасюк. Не обращая внимание на посетителей, заорал вслед: – «Я тебе башку оторву, если ещё увижу у клетки!..

Сволота...» Пожалустин сказал без обычных своих прибауток, что нужно рассказать обо всём Акрамову. Товарищ-то – явно ненормальный. Это же ясно, как божий день!

Но не рассказали. Ни Пожалустин, ни сам Парасюк. Рашид с Татьяной были в эти дни в Москве. *Выбивали рацион.* А потом за делами замылилось как-то всё. Вроде даже забылось...

5

Утрами возле бытовки ждали Рашида. Курили. Ратов сидел с похмельным расплюйным носом, с переносицей – как с занозой. Парасюк смотрел на него. «Делай лицо проще, Ратов, тогда и народ к тебе потянется...» Все смеялись. Ратов отворачивался: сволочь! Трясущимися пальцами пытался выковырять из пачки сигаретку. Парасюк по-прежнему следил. «При настоящем мастере – у подмастерья всегда руки трясутся... Верно я говорю, Пожалустин? Есть у тебя такая поговорка?» Сотрудники начинали хохотать. Но приходил Акрамов, и всё прекращалось. Предстояло серьёзное распределение работ на сегодня. К Ратову Рашид поворачивался в последнюю очередь. Из больших синих впадин на черном лице лемурно светили всё те же глаза узбека: что же мне делать с тобой, друг?.. Как за спасением поворачивался к Пожалустину, наставнику Ратова, ведуну: куда его, а? Тот сразу выдавал: «На хутор, на х..., бабочек ловить!»

Все падали, где стояли. Ратов вынужденно смеялся. С лицом как скол. Как склянка...

Два молодых любознательных верблюда встретили его приветливо. Как два брательника-еврея. Однако прежде чем вычёсывать их большой жёсткой щёткой, храбрый Ратов за-чем-то начал переставлять... их ноги. Задние. Обхватывать

и, тужась, переставлять. Как длинные шахматы. Один бра-
тельник стеснительно, по-женски... лягнул его. Ратов уле-
тел через огородку. Ну, шахматист, опять покатывались все,
прежде чем разойтись к своим работам. Ну, полудурок!

На медведей, сидящих на полу, Ратов смотрел как на две
большие кучи г...а. Совал лопату с кусками мяса в клетку
снизу. Медведи начинали загребать к себе мясо лапами –
точно ковшами. У-у, мошенники! (Почему – мошенники?)
Один хотел слизать с лопаты. Кровь. П-пшёл, гад! – ткнул
его лопатой Ратов. Глаза животного, точно большие жёлтые
пчёлы, ничего не могли понять. Медведь даже не почувство-
вал боли. Медведь снова потянулся. На! на! жри! Ратов начал
бить лопатой прямо в морду. С рёвом медведь перекинулся
в сторону. Наш смотритель животных пошёл от клетки, весь
содрогаясь. И никто не смеялся. Потому что никто не увидел
этого. Как нередко бывает, зло пролетело мимо глаз, никого
не задело...

Покормив Королеву, Парасюк сдвигал переборку, чтобы
тигрица перешла в другую свою... комнату, сказать так. Ни-
чуть не бывало! Королева ходила, рыкала на Парасюка, как
будто не видела никакой другой своей комнаты. Нет её и всё!
Р-ры-ы! Тогда Парсюк делал вид, что уходит. Совсем уходит.
Артистка сразу приостанавливалась, наблюдая: всерьез это
всё или так просто, пугает. Парасюк вразвалку, натурально

отваливал куда-то. Королева рыкала: куда, болван?! Назад! В один прыжок оказывалась в другой клетке. Парасюк кидался, с железным лязгом задвигал переборку. Только после этого открывал замок и заходил в освобождённую клетку. Начинал сметать опилки. Потом из шланга мыл пол. Давал струю и в соседнюю клетку. По Королеве. Та сидела, задирала морду, жмурилась от удовольствия. Но когда накапливалось на полу слишком много воды – точь-в-точь как это делают кошки, начинала ходить и брезгливо-резко стряхивать с лап. Дурак! Чего наделал?! Хватит!

Парасюк уходил за свежими опилками. Сразу появлялся Ратов с метлой. Оглядевшись, быстро, как большой художник, закрашивал всю клетку Королевы пылью. Тигрица начинала чихать и, точно так же как недавнюю воду, брезгливо стряхивать лапами пыль. У-у, сучий противогаз бенгальский! (Почему – противогаз-то? Да ещё бенгальский?) Сердце у зрителя молотило в груди. Трясаясь, быстро укондыбывал от клетки.

Вернувшийся с опилками Парасюк ничего не мог понять. Откуда в клетке на полу потёки грязи?.. Как большая челночная машина, Королева ходила взад-вперед, растаскивала эту грязь... Парасюк смотрел на Ратова в другом конце зверинца. Где тот старательно (прямо-таки Пожалустин), метлой клал пыль *на* сторону. На обочинку...

6

Вечерами, как только темнело, Ратов вылезал из курятника и пробирался к дому. Упорно крался к Люське Козляткиной. Уже не ломился в сени, а, вскинув себя на завалинку, распято налипал на окно. Вроде совсем израненного летучего мыша – ныл: «Люськ,пусти! Люськ! Слышишь?» За стеклом провально всё затаивалось. «Люськ, три хруста дам, – обещал распятый мыш. – Целых три, Люськ. Слышишь?..»

Сверху вдруг сильно окатило водой. Вот сука! С крыши?! С чердака?! Отбежал, отплёвываясь, высматривая Люську. Но крыша была пустой. Только возле трубы, как кот, выливался месяц... Ну, мандалина, погоди. Ох, погоди-и...

В курятнике враз выглотал полчекмаря. Содрал всё мокрое с себя. В трусах, при свете фонаря курил и открывал пиво. Одну за другой. Погоди, сука. Ох, погоди-и...

Потом зачем-то начал жрать арбуз. Вскоре почувствовал, что нужно отлить. Да. Точно. Надо. Встал, пустил струю по висящим курам. Затем сосредоточился на одной. Пёстрой толстой хохлатке. Хаотично курица запрыгала по курятнику, точно ей отрубили голову. Сшибала товаров. Хохлатки посыпались с насестов вниз как разрываемые перьевые подушки. Всеобщий, оглушительный поднялся квохт. Однако быстро смолк. Зауток разом превратился в оживлённую дневную птицефабрику. Петух не хотел вниз, от ратовской

струи уклонялся, перебирал лапками по насесту. Струя в конце концов ослабла, иссякла, и петух, считай, спасся. «Завори только у меня утром, гад!» Ратов упал на раскладушку и выключил фонарь.

Через десять минут вскочил, помчался в уборную.

В уборной на огороде точно сразу начали отдирать доски. Слетело всё быстро, как с гвоздя. Но желудок по-прежнему сильно крутило, и Ратов продолжал тужиться, вылезать из себя: Ы-ы-ы-а! Мать-перемать, ну, погоди, Люська!

Оглушительно, как выстрел, по уборной ударил камень. Ратов чуть не опрокинулся. Хотел броситься, чтобы догнать, убить Люську на месте... Но с ещё большей силой подпёрла невыносимая маята, мука, и пришлось давить и давить. От уборной слышалось уже со слезой, с дрожью, с трясучкой: «Н-ну, погоди, ма-а-андолина! Д-дай до утра д-д-дожить! П-п-п-агади-и-и!...»

Точно с выдернутым желудком тащился по огороду назад, в курятник. Люська поспешно забивала балку в сених. Месяц скалился как одноглазый разбойник...

Свой рабочий день Рашид Зиятович Акрамов всегда начинал с обхода животных. В белом халате, с руками в карманах, он останавливался возле каждой клетки и выслушивал доклады сопровождающих. Смотрел в это время или на висящих обезьян, или, к примеру, на ушлого дикобраза, опять бегающего как лечебная акупунктура. Узбекские глаза на черном лице походили на просветлённые негативы фотографа. Никогда ничего не записывал, но запоминал всё четко: кому, что и сколько (продуктов). Татьяна Стоя забегала вперёд, распахивала рукой на очередную клетку, в частности, на клетку со львом и, что называется, страстно банковала. Акрамов молча смотрел на Конфуция, на его упавшую на лапы морду с закрытыми глазами, на облезлую гриву, вздымающуюся от тяжкого дыхания точно просто пустое сено...

Акрамов разом закрывал обход, шёл в свой вагончик-конттору, снимал халат, чтобы сегодня его уже не надевать, садился к пишущей машинке и начинал печатать: какие лекарства и в каких количествах нужно привезти для Конфуция из Москвы... Только после этого брался за рацион на новый месяц для всех животных. За рацион, который придётся выбивать в Управлении. Выбивать всё в той же Москве.

В отличие от Акрамова, Татьяна Леонидовна Стоя в ха-

лате по зверинцу никогда не ходила. Ни в белом, ни в каком другом. Поверх красивой узорчатой кофты на ней всегда был специально пошитый рабочий батник защитного цвета. Некая модификация мужской рубашки навывпуск с коротким рукавом. Многочисленные карманы батника были набиты рабочими блокнотами, авторучками, склянками с лекарствами, порошками. Ну и, конечно, в комплекте с батником – её обязательные, из плотного материала штанишки жокея, которые дошлый Пожалустин обзывал то «штанами... верно-сти» (их же невозможно будет стащить с дамы!), то «праздничными панталонами с рюшами» (где рюши-то увидел?). (К слову. Когда пришёл устраиваться на работу вторым сторожем пенсионерик с необычной фамилией *Лёжепёков*, а привела его длинная и заботливая Стоя, случившийся возле конторы Пожалустин мгновенно их объединил: «Стоякакова и Лёжепёков!»)

Тем не менее, работники зверинца Татьяну Леонидовну уважали. (А Пожалустин-то больше всех!) Уважали за её незлобивый ровный характер, за знание животных и особенно – за преданность им. Все видели, как она нянькалась всё с тем же Конфуцием. Дряхлым львом-пенсионером из Китая. Никак не давала его усыпить. Никаким комиссиям... А лев-то этот не ходил уже, а переползал за солнцем по клетке. Переползал с облезлой своей гривой. Точно обезноженный инвалид за подаянием с сумой.

По утрам всегда раньше Рашида Стоя появлялась в слу-

жебных воротах зверинца. Длинные ноги её шли с замахами. Подпасовывали себе побольше солнца. Как две хоккейные клюшки. «Здравствуйте, Татьяна Леонидовна!» – дружно, чуть не хором, приветствовали её все. «Здравствуйте, товарищи!» – с приставной лесенки, открыв всем свои литые, стройные чудеса, вставляла ключ в замок конторы свежая утренняя тридцатилетняя женщина...

Нередко знойными полднями, когда похоть особенно нудила, Ратов втихаря перемещался за женщиной Стоей, хоронясь среди посетителей, чтобы скрытно приблизившись к невообразимым ее «торбасам», можно было б сунуть руку в карман брюк и потрястись. Вроде выбивая чечётку. С глазами как большие рыбы пузыри...

Несколько раз нырял за женщиной в уборную, в соседний отсек. Но не успевал – женщина Стоя управлялась быстро. И хлопала дверью. Сука!..

Как немногие те, кто отмечен истинным онаном, Ратов умел прятаться среди людей. Становился незаметен, невидим. И не только для непосредственного свершения обряда, но и для многого другого. Например, чтобы ускользнуть с работы. На время. Резко катапультироваться с территории зверинца в пивную. Уже на территорию парка. А через полчаса таким же образом прилететь обратно. Уже поддатым. И улетать и прилетать так за день несколько раз. И ничего. Никто. Всё тихо. Кроме рёва засранцев в клетках. И волнующихся возле клеток полудурочных голов.

Один раз сил не рассчитал. В самом конце рабочего дня стоял в центре зверинца и оступался ортопедическим своим ботинком. Оступался – как другом. (Друг не давал ему упасть.) Глаза Ратова были – кучкой... Пробегающий Пожалустин удивлённо отметил: «Угас, как ветошь, дивный гений, Пропал торжественный венок». Однако вернулся, увёл подопечного на хозтерриторию и где-то там запрятал... Ратов вывалил из зверинца в восемь вечера. Снежным чело-векон. Весь в опилках. Опять умудрившись спрятаться ото всех. Кроме сторожа Рыбина. Который, оставшись в воротах, грозил ему кулаком и матерился.

Однако Альберт Константинович становился заметным, притом – резко, когда дело касалось работы. Любой работы. За что бы он ни брался, сразу видна была полная его неумелость, природная, роковая какая-то смурь... «Что он делает?! Что он делает?!» – восклицали работники зверинца, наблюдая, как он скачет с высоко подпрыгивающим брандспойтом, как, по меньшей мере, со взбесившимся питоном, хлеща водой по всем клеткам и разбегающимся посетителям... «Пошла плясать тётка Пелагея, вперед пулемет, сзади батарея», – испуганно поворачивался ко всем Пожалустин. А те, в свою очередь, поворачивались к Акрамову с неммым вопросом: как такое может происходить, Рашид? В твоей организации? Добрейший Рашид Зиятович успокаивал сотрудников. Говорил, что пусть учится. Что всё ещё наладится у него. Что, как говорится, не боги горшки. Что, в конце кон-

цов, каждому человеку должен быть дан шанс. И все с новым вниманием смотрели на несчастного человечешку, который гонялся за упрыгивающим брандспойтом, пытаясь его схватить... «Да у него же денег – как у дурака махорки», – не унимался изумленный Пожалустин.

Ратов ухватил, наконец, брандспойт. Но брандспойт резко развернул его, и струя ударила прямо по наблюдающей группке во главе с Акрамовым. Все члены группки разом захлебнулись. Как всё те же мореходы в клетках. И только бросившись к гидранту и перекрыв воду, завхоз Никифоров прекратил всё.

Все ругались, пытаясь отряхиваться. Стоя истерично хохотала. Молодое её тело сквозь намокшую кофточку проступило в нескольких местах как кета.

Сам виновник с брандспойтом стоял, будто скаченный: ни воды уже в нём, ни воздуха. Какой-то старик лаял на него. Мокрая голова старика походила на шиповую булаву...

8

Нередко после обеда Рашид приглашал Татьяну Леонидовну к себе в вагончик. Приглашал обсудить всё тот же пресловутый *рацион*. Дверь в вагончик всегда оставлял открытой. Все знали, что это означает. Что этим хочет сказать Рашид Зиятович. Однако сразу же заглядывал Пожалустин. С ротиком своим гнезда дуплянки: «Кончен бал, и скрипка – в печку. Рашид Зиятович!» – «Что такое?!» – испуганно поднялся со стула Рашид. «Ничего». Ротик исчезал. «Ч-черт тебя!» – падал на стул Акрамов. Татьяна лукаво посмеивалась, выкладывая из папки бумаги на стол.

Только усаживались тесней мужчина и женщина, чтобы углубиться, наконец, в эти бумаги... как вновь заглядывал всё тот же кругленький ротик от гнезда дуплянки: «Кот из дому – мыши в пляс. Рашид Зиятович!» Да что же это такое, поворачивался к Татьяне Рашид. С лицом, похожим на вытянувшуюся луну. На луну с большой деформацией. А? От смеха Татьяна так и падала на стол.

Но когда из раскрытой двери слышались громкие голоса как мужчины, так и женщины, когда внутри возникал жестокий спор всё о том же рационе и заседала больше женщина, требуя витаминов, требуя всяческого разнообразия в питании животных – Пожалустин не рисковал заглядывать в вагончик. Мимо двери проходил на цыпочках, понимающе по-

качивая головой: «Дристан и Изольда... Любовь прошла, завяли помидоры». Как от интимного уводил всех в бытовку, где, пока ругаются в конторе, можно было немного передохнуть. С посетителями у клеток оставались Парасюк и Пашкина, ещё одна смотрительница за животными.

В бытовке курили, смотрели телевизор, а Никифоров учил билетёршу Кугель из кассы перематывать магнитофонную ленту. Ленту, на которой был записан дорогостоящий голос московского профессионального зазывалы, чередующийся с легкой весёлой музыкой. Пятидесятилетняя Кугель с завёрнутым надо лбом валиком волос и злодейским носом никак не могла разобраться, всё путала. Арифмометрные глаза её давали сбои, терялись, не понимали простого, элементарного. Никифоров терпеливо втолковывал: вот же, смотрите, Ева Павловна: это сюда, а это – в противоположную сторону. И всё. Всё просто! Голова Никифорова, тоже с густыми волосами, только уходящими наверх волнами, поворачивалась к ученице. Всё же элементарно, Ева Павловна! Попробуйте еще. Кугель начинала нервно толочься у магнитофона. Но палец её, протянутый к кнопке, тут же отдёргивался. Кугель замирала. С бёдрами как у фрейлины – тамбуринами. Будто на соперницу (по тупости), Ратов смотрел на неё с ненавистью. На её тонкие белые ноги в чёрных туфельках... У-у, туп-пая! Еще учится там чего-то!.. Отворачивался.

В телевизоре показывали соревнования по бальным тан-

цам. Всем участникам будто присобачили большие ценники на грудь и спину. Вальсируя, один участник отвернул лицо от партнерши на расстояние как от Москвы до Клина. Партнерша же быстро перебирала тощими ножками – точно подвешенный курчонок... Потом пошли латиноамериканские танцы. Причём сначала в исполнении детей. Всё происходило в зале слишком нервно. Нервически. Партнерики-дети двигались как какие-то электрики. Маленькие электрики. Ратов кривился, не поддерживал восторга всех. Однако когда в дело вступили взрослые – распалился. Особенно от одной участницы. От стервозки. Которая бешено вертела задом. Да так, что шнурки вместо юбки – хлестались на ней. Как жуткий ломающийся дождь!.. Ратов даже засмутился от такой страстности женщины. Опускал и поднимал глаза. Как томный креол из села. Латиноамериканского, понятное дело.

На воздухе ему опять приказали чесать верблюдов. *Этих двух горбоносых секирников.* Он уже пошёл было к ним, но увидел Пашкину с плетенкой под опилки, идущую на хозблок...

Пашкина чем-то смахивала на Люську Козляткину. Только жопкой была скудней... С внезапным порывом, теряя голову, Ратов ринулся за ней.

Пашкина уже склонялась к опилкам, нагребая их в плетёную корчажку. Тонкие ножонки в коротких хвостатых штанишках расставились как мачты о двух парусах. Неслышно приблизившийся Ратов водил над ними руками, точно заго-

варивал их, чтоб не исчезли... Гмыкнул.

– Пашкина... ты это... ты где живешь?

– А тебе это зачем? – распрямилась женщина. С прилившей к лицу кровью.

– Так это... Вечером могли бы поршень погонять... – Ортопедический ботинок Ратова подвесился. Как колокол. Выдвигал пируэты...

– Чего, чего?..

Будто молнии, разрывались по безумному лицу улыбки:

– Я говорю: чикалду... это самое... могли бы замочить...

Женщина схватила лопату:

– Сейчас как звездану по башке!.. Козел невыложенный!

Пошёл отсюда!..

Ратов повернулся, закондыбал прочь. Готов был бить, крушить всё на пути. Суки! Гады! За что?!

Ночных сторожей в зверинце работало двое. Рыбин и Лёжепёков. Дежурили друг за другом. В очередь. Почти не встречались. Однако Рыбин обзывал Лёжепёкова *Говнороем*. В свою очередь, Лёжепёков коллегу звал *Деспотом*.

Рыбин, лет семидесяти старик, с лицом большим и свислым, как какой-то жёлтый суслон с давно перебродившим суслон, физически ещё был очень крепок. И, по-видимому – полностью здоров. Рыжая шерсть на его засученных крепких руках походила на жёсткие густые вехотки. Без приглашения, мимоходом, он переставлял со всеми громадные клетки, и было видно, что не до кучи он там, а его сила – главенствует.

Но основным занятием его по утрам после дежурства была ходьба по зверинцу. Причем по задней, хозяйственной его части. Где он собирал всё и складывал. А то и швырял, расталкивал. При этом злобно матерясь. Доски, брус, подтоварник, какие-то бочки, тюки прессованного сена, мешки... Фанерной лопатой вдруг начинал подкидывать опилки. Как зерно на току... Снова катал бочки... Завхоз Никифоров пытался бороться с ним: «Тебя кто просит, старый болван? А? Кто?!» Потом махнул рукой: старикан, походило, не мог жить без своего порядка. Ладно хоть к клеткам не лез...

Обойдя таким образом всю хозяйственную часть, распи-

хав, рассовав там всё по-своему – Рыбин шёл домой. Шёл теперь гнобить жену, навек запуганную им старушонку.

Он первым обнаружил три дырочки, прорезанные ножичком в служебной уборной зверинца... Безобразие! Онанисты! Но расследования, на котором настаивал бдительный старикан, не провели, посмеялись только над ним, и больше всех Лёжепёков, да Никифоров забил дырки фанерой. Наверное, залётный какой-нибудь придурок, тем более что замков на дверях уборной никогда не ночевало. Были только разболтавшиеся вертушки. Которые и подбил в тот раз на прощание добросовестный Никифоров. Чтоб не болтались...

Второй сторож, Лёжепёков, казался сверстником Рыбина. Одногодком. Но если заглянуть в паспорт его – год или два всего как вышел на пенсию. То есть шестидесятидного, шестидесятидвух лет. И наружностью и особенно характером был полным антиподом Рыбина. Постоянно в куцем трико в обтяжечку, с пузырьками на коленках – эдакий жалконький, но очень общительный и весёлый *жигулик*. Который всё время, так сказать, в гуще событий зверинца. Любознательный нос-пипка его был явно от молотка-чекана. Такой же округлый, чистый, отполировавшийся. Правда, свисала по чекану одна красная веточка. И даже проистёк один сизый ручеёк. Но это – если уж очень въедливо присмотреться, грубо повернув чекан к свету.

Самым ходовым словом у пенсионера Лёжепёкова бы-

ло слово «держи!» (стакан). С ним быстро находили общий язык в его сторожке. Принесённую кем-нибудь бутылку (красного) брал... и неуследимо снимал железную крышку. Голой рукой!

– Держи! – Стакан уже был налит.

– А ты? – болел за справедливость посетитель.

– У меня не заржавеет!

И действительно. После третьей (красной) – Лёжепёков опрокидывался на топчан, навзничь, и разъехавшимися скользкими губами пёк, что называется, блины. В вечернем зверинце свободно можно было раскрывать все клетки или даже вывозить их машинами. Вместе с животными.

Выбор Ратова пал на Лёжепёкова...

...В тот вечер, только выйдя из калитки, Ратов сразу увидел Ковалову. Сидящую на скамейке у своего дома... Ч-чёрт! Плохая примета! Однако пришлось идти мимо. Бутылки предательски начали позвякивать в лёжепёковской сумке.

– Стой, Альбертка! – Остановился. – Куда это ты на ночь глядя? Никак бутылки сдавать?

Вот зараза! Морда в трещинах опять. Как гематоген...

– Оглох, Альбертка?..

– На работу, – нашёлся Ратов. – Зверей кормить. Дежурю... – Искоса смотрел на высоко заголённые больные ноги Коваловой в толстых бинтах, наверху на колени – точно на приставленные к ней углом толстенные протезы... –

Ну, здравствуй и прощай, Маресьев! – Пошёл. Однако остро ждал спиной ещё какую-нибудь гадость. И дождался. Только Ковалова закричала не ему, а за огород, где над забором всё время высовывалась Люська:

– Эй, Люська! Радуйся! Альбертка с ночевой! Ха-ха-ха! Сегодня на окнах висеть не будет! Сегодня перерыв! Люська! Ха-ах-хах-хах!..

Вот старая ведьма! Точно – плохая примета. Ратов спотыкался.

И только в самом парке, за рощей дубов, словно получил наконец-то признание. Точно его разом зауважали. Потому что закат над зверинцем стоял – потупившись. Как красна девка... А-а! – шизоидно радовался этому обстоятельству, выходя из-за деревьев, Ратов. – А-а!

Надавливал и надавливал служебную кнопку в служебных воротах. Впустую, казалось, будил весь мёртвый тридцатиметровый провод и моську звонка в сторожке. Однако Лёжепёков уже бежал. (Иду! иду! иду!) Быстро открывал ворота.

– Что-то ты поздногато, Альберт! – успевал даже весело попенять новоиспеченному другу. – Думал, что не придёшь.

– За кого ты меня принимаешь, дед?! – входил, в открытую гремя бутылками, Ратов. Дескать, было слово, старик. Ответственное. Мужское. А не шалам-балам какой.

В сторожке сразу прозвучало слово другое, сакраментальное – «Держи!» И как явление, всегда как некое чудо для пьющих, явился первый полный стакан. От Лёжепёкова Ра-

тов принял его словно розовую божественную субстанцию. И будто бы даже не вино пил, а вроде католика – бесконечные, розовые заглатывал облатки.

Со вторым стаканом было проще – Лёжепёков маханул его враз, уже как атеист, уже не веря в чудо. Понятное дело – закурили. Не торопясь. Обстоятельно. По-мужски. Ратов стал озираться в сторожке. С постелью топчан Лёжепёкова смахивал на довольно большой, однако полностью разбитый участок дороги. Жизненной, даже можно сказать, дороги. Дороги Лёжепёкова...

– У тебя что – бутылки там раскатаны?

– Да нет... Просто колдобы... Ямы... В матрасе...

У противоположной стены стоял не топчан, а кровать...

– А это чья? Рыбина, что ли?

– Его, деспота...

Смотрели. Заправленная постель Рыбина походила на чёткий плац. На гладко размазанную воинскую могилу...

– Да-а... Тяжело тебе с ним... – посочувствовал Ратов.

– Не говори... Врагу не пожелаю...

Лёжепёков грустно потягивал табак. Под светом лампочки головёнка его была – как красная потная горка, покрытая реденьким ковыльком.

Однако после второго стакана он уже размахивал ручонками, он уже втолковывал собутыльнику, как постороннему, как дилетанту про животных зверинца, их характер, повадки, привычки, забавы. Каждый новый абзац он начинал та-

кими словами: «и вот что интересно». Он смеялся. Стойкий носок его, как всё тот же чекан после долбёжки, стал красно-титановым.

Когда речь зашла о медведях, особенно почему-то любимых пенсионером (вот забавные! вот забавные! прямо как люди!), Ратов не выдержал, зло перебил:

– Да что твои медведи! Безмозглые клоуны! За кусок сахара на гармошках будут играть! Лапами задирать-дрыгать!.. – И выдавая потаённое, сладкое, свое – мечтательно продолжил: – Вот кошечка через три клетки от них – вот да-а. Полосатая кошечка. Королева! Вот такую стерву тросиком протянуть или железной острой палочкой пройтись по ребрам – это да-а... А то – медведи... Две кучи говна... Тьфу!

От услышанного откровения Лёжепёков разинул рот. Смотрел на Ратова как на умалишенного. Ну ты даешь, Альберт...

– Да шучу, шучу! – сразу пошёл на попятную Альберт. – Шучу!.. Так это я... Просто так... – Тут же налил полный стакан Лёжепёкову. Ударил старика его же паролем: – Держи!

Но Лёжепёков всё не мог прийти в себя. Полный стакан удерживал, точно забыв о нем, машинально. Вино даже расплёскивалось...

– Ты это... Альберт... Так шутить нельзя...

– Да ладно тебе... Пей давай! Задерживаешь стакан!..

Лёжепёков выпил. Не отпуская стакана, утерся рукавом.

Отдал стакан Ратову. Сидел потом молча. (Разглагольствовавал один Ратов.) Курил. Вроде о чём-то пытался думать. Что-то решить... После ещё одного стакана (которого по счёту?) – отрубился. К топчану шёл, вскидываясь, как конь. Упал на топчан поперёк, вниз лицом – ноги разбросались оглоблями...

– А-а, гад, спёкса! – вскочив, хохотал Ратов. – Спёкса-а!..

Как из катапульты выкидывал уродливую свою ногу, упиная ноги старика на топчан: лежи как надо, гад! Лежи как надо!..

Початую бутылку Ратов прихлопнул крышкой. Сунул в карман брюк. Сдёрнул свет и пинком распахнул дверь.

По территории торопился, замахивал руками. Как бы в нетерпении указывал себе дорогу. От разбойной луны было светло как днём. Под ногами Ратова кривлялся карликовый циклоп.

В клетку Королевы ударил пожарным багром как в арфу:
– Вставай, бенгальская сука! Подъём!..

Со страшным рыком тигрица прыгнула на прутья клетки. Но сразу напоролась на багор. Отпрянула. В угол. В тень.

– А-а, сучара! Испуга-алась! А-а! Давай, давай! Ещё, ещё!..

Точно фехтуя, точно постукивая по шпаге противника, Ратов постукивал багром о прутья клетки, выманивая зверя. Тигрица ещё страшнее бросалась на прутья, и Ратов бил, бил. По несколько раз. От беспомощности, от боли, зверь

начинал упрыгивать в тесной клетке к потолку. Вся клетка раскачивалась, тряслась, чудилось, что вот-вот опрокинется, но болты, крепёжные болты, которыми она была привёрнута к станине тележки, поставлены были надёжные. С болтами добросовестный Никифоров постарался на совесть...

– А-а! сволочь! а-а! Ну-ка давай ещё! Давай. Ещё!..

Снова постукивал, снова манил на багор. В очередной прыжок тигрицы – промазал. И Королева молниеносно, двумя лапами, лупанула по багру, разбив его в щепу. Рукоять багра ударила Ратова в челюсть, отшвырнула от клетки, опрокинула. Ратов поднимался с земли как после нокдауна: с большим шумом в ушах, с мгновенно отнявшейся челюстью. Однако потряс башкой... И снова побежал. За другим багром. К ещё одному пожарному щиту.

Когда примчался назад, его трясло, колотило всего. Он непрерывно дергался, подскакивал на месте. Как неврологический больной. Как целая секта сектантов. Но даже в таком состоянии совал и совал багром меж прутьев. Совал в живую плоть животного.

– А-а-а-а-а-а-а! – тонул его голосишко в страшных рыках бьющейся в клетке тигрицы...

Два сторожа – один сторож кафе, другой – самого парка... прервали мирный разговор в беседке, замерев со стаканами в руках... Рыки от зверинца накатывали волнами. Не прекращались. Один страшней другого... Что же там происходит?

– Пойти, позвонить, что ли, к ним? – вслух подумал сто-

рож парка. На что сторож кафе ответил, что не надо, ни к чему. Сами разберутся... Зверь. Лев или тигр... Находит на них... Вон какое полнолуние...

Смотрели на лунный свет, который буквально висел на листьях дуба. Дуб от этого казался большой люстрой в блестящем хрустале...

Часов в одиннадцать Лёжепёков услышал за дверью шаги. Вскинулся в темноте на топчане. «Кто там?! Кто идет?!»

– Это я! Не пугайся! – чёрно ввалил в сторожку Ратов. – Где ты там? – Судорожными ледяными руками нащупал руку старика, сунул в неё бутылку: – Опохмелись. Как раз для тебя осталось...

– Да свет включи! – забеспокоился старик. – Куда ты? – Но Ратов уже исчез за раскрытой дверью. Как и не было его. Странно. Лёжепёков надолго запрокинулся. Заботливый Альберт. Не мало оставил. Надо идти ворота за ним закрыть... Однако сидел, прислушивался. И вроде бы пришёл в себя, опохмелился, а душе было почему-то нехорошо... В раскрытой двери лунный свет дрожал как сатана...

В то солнечное утро всё в зверинце началось как обычно. После летучки все уже разошлись по своим делам. (В том числе и Ратов! С метлой! Безумный Ратов!) Возле клеток Стоя что-то говорила Никифорову. Тот смотрел себе под ноги, внимательно слушал. Красивейшие волосы его – как

остановившиеся на голове волны. Временами забывая слова на губах, женщина невольно обвевала их своим дыханием. Как курила фимиам. Маленький Акрамов рядом начинал волноваться – его голову украшали кудряшки. Всего лишь чёрненькие, уже размазавшиеся на темени кудряшки... Никакого сравнения с волнами!..

Неожиданно прибежал Парасюк. От волнения – опять как усеянный фаршем. Показывал на клетку Королевы, что-то быстро говорил... Все трое бросились за ним.

Из одного конца клетки к другому тигрица продвигалась медленно, вяло. Точно забывала дорогу, точно не знала куда идти. Когда повернула обратно – все ахнули: весь левый бок её был в ранах. Точно в рыжих больших подсыхающих цветках. Кожа огромного животного от боли свисла жутким каким-то занавесом... Тигрица поворачивалась – и всё исчезало. Новый поворот – и опять точно медленно протаскивали перед всеми этот растерзанный везущийся занавес... По опилкам везде было насеяно кровью... Люди возле клетки онемели...

Откуда-то появились испуганные Рыбин и Лёжепёков. Никогда вместе не ходившие. Лёжепёков как увидел порванный бок тигрицы... зажмурился, заплакал. «Говори, собачка!» – схватил его за грудки Парасюк. Рыбин тут же начал подпинывать Лёжепёкова сзади в жопку: говори, говнорой! Говори!..

Ратов увидел. Скинул халат, быстро покондыбал к выходу

из зверинца. В подскочку побежал... Но его догнали...

Били Ратова Парасюк, Никифоров и сильный старикан Рыбин. Ратов летал как лоскут. Как лоскутина. Будто улей на палке, улетал вместе с ним ортопедический ботинок.

Опоздавший Пожалустин нёсся с подтоварником в руках. Нёсся убивать. «Бабочки летают, птицы забудыривают! Рашид Зиятович!»

Акрамов похолодел, бросился отнимать, спасать, но от сильного удара локтем в лицо сразу ослеп, откинулся, умываясь кровью. Раскачивался возле клетки с перепуганным дикобразом, обливая его кровью, зажимался ладонями. Татьяна Стоя бегала, совалась к нему с полотенцем. Как секундант на ринге. Но он отстранял её, не брал ничего. Точно сам хотел прийти в себя, сам наконец-то прозреть. И уже помимо его воли, как в мутном водоеме, всё судорожно пляшущее осьминожье из ног и кулаков само утаскивалось к выходу, к горловине его («музыка чукчей! народная музыка чукчей!»), – там всосалось, исчезло...